

Парадигмы консервационных практик

Уже упоминалось, что XIX в. стал своеобразным периодом «переплетения» наследия и национальной идентичности. Благодаря идеологии национализма, повсюду в Европе набирающей силу, памятники прошлого стали считаться документами истории нации и символами коллективной гордости, вследствие чего их начали охранять и реставрировать⁵². Таким образом, комбинация художественного романтизма и политического национализма привела к созданию парадигмы **единичной, элементной, элитарной охраны памятников**. Последняя выбрала приоритетом прежде всего решение практических проблем по охране памятников и формирование ее теоретических принципов. Этой эпохе свойственны и первые эффективные попытки законодательства в области охраны памятников. Первые шаги в этом направлении были сделаны в более ранние эпохи: Италия со времен Ренессанса, Швеция – с XVII в., несколько других стран Европы – с XVIII в.⁵³

Первая научная парадигма охраны наследия, называемая также **презервационистским подходом** (*preservation approche*) или элементной охраной памятников, доминировала в XIX – первой половине XX в. По сути она была нацелена на отдельные здания и объекты, выбранные «экспертами», считающими себя знатоками и хранителями культурных ценностей, на основании якобы объективных и очевидных внутренних критериев, таких как древность, редкость и красота⁵⁴.

Интересно, что в центре внимания как историков XIX в., так и специалистов по охране памятников по сути оказалась индивидуальность: первых интересовали отдельные политически значимые события и деятели, вторых – уникальные памятники прошлого, имевшие репрезентативную ценность, в основном шедевры искусства и архитектуры. И это не случайное совпадение. При достаточно внимательном рассмотрении тенденций развития этих двух дисциплин – историографии и охраны наследия – в глаза бросается несколько параллелей, кажется, не случайных. Конечно, точно установить влияние исторической науки на систему охраны наследия (и наоборот) довольно сложно, поскольку обе они находились под воздействием социальных и ментальных сдвигов, определивших модернизацию западного общества. По сути, обе науки в современном виде формируются в конце XVIII – середине XIX в. До начала индустриальной эпохи место истории было занято традицией, которую не надо было искусственно охранять. Исторические события и реликты прошлого обычно использовались в современных дидактических целях (что названо термином «прагматизм»), а начало индустриальной эпохи, как уже упоминалось, вступает в противоречие с традиционным укладом жизни и состоянием окружающей среды.

Кроме того, во второй половине XIX в. происходили процессы институционализации и профессионализации обеих дисциплин. Недвижимые ценности культуры были отделены от движимых, отнесенных к компетенции археологов и музееведов. Национальное государство позаботилось о чиновниках, занимающихся охраной памятников, учреждением соответствующих должностей и созданием правовой базы.

Однако в XIX в. прерываются непосредственные связи с антикваризмом, все больше внимания обращается на исследования письменных источников (от мира вещей к миру буквы). Кроме того, уже в конце XIX в. историческая наука стала освобождаться от попечительства государства, выбирая в качестве объекта исследования интегральное изучение общества. Между тем традиционная концепция памятника остается в силе почти до 70-х гг. XX в.

⁵² Paul Léon, Les principes de la conservation des Monuments historiques. Evolution des doctrines, *Congrès archéologique de France*, XCVIII session, 1934, p. 2-52.

⁵³ Zbigniew Kobylinski, *Teoretyczne podstawy konserwacji dziedzictwa archeologicznego*. Warszawa, 2001, p. 21-42.

⁵⁴ G. J. Ashworth, From History to Heritage - from Heritage to Identity. In *Search of Concepts and Models, Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe* (ed. by G. J. Ashworth and P. J. Larhkan). London, Routledge, 1994, p. 15; также см.: G. J. Ashworth, Conservation as Preservation or as Heritage: two Paradigms and two Answers, *Built Environment*, 1997, vol. 23, no. 2, p. 92-102.

Современный исследователь Майкл Хантер обоснованно задался вопросом: почему процесс профессионализации охраны культурных ценностей произошел именно в XIX в.? По его мнению, это связано с несколькими неоднородными факторами. На новое законодательство в области охраны памятников и его организацию можно смотреть через призму усиления центральной власти. Эти процессы на самом деле характерны для XIX в. Хотя это обстоятельство может только объяснить момент зарождения явления, но не раскрывает его причин, т.е. почему людям эта деятельность стала казаться значимой, нужной и достойной государственного внимания? Ведь и до тех пор были сильные централизованные государства, однако им не требовалась система охраны памятников. Очевидно, нельзя происхождение этого феномена связывать только с процессами развития государственности⁵⁵.

По мнению М. Хантера, законодательство и практика в области охраны памятников берут начало в консенсусе нового, до тех пор не существовавшего неформального общественного мнения. Каковы же причины возникновения этого мнения? Главная из них – популяризация и тем самым вульгаризация интереса к прошлому – часть более широкой философии образования и свободного времени, сформировавшейся в XVIII в. На это указывает постепенный рост массовости и распространенности туризма, появившегося в эпоху Ренессанса. Антиквариат также только в XIX в. становится привлекательным и популярным занятием и проявляется в увеличивающемся спросе на книги исторической тематики, расширении сети музеев и увеличении популярности исторических сообществ. А также после изобретения дагеротипии и фотографии появляется возможность визуально фиксировать и массово тиражировать образцы культурных ценностей. Таким образом, по сравнению с более ранними эпохами в XIX в. все больше людей включаются в деятельность, связанную с осмыслением исторического прошлого. В XX в. эту активность будут поощрять средства массовой информации и индустрия наследия.

Однако нас удивляет не массовая интенсивность деятельности по охране наследия, но ее характер, т.е. не количество, а качество. В XIX в. возникает понимание того, что познание прошлого позволяет лучше осмыслить наше собственное время. Господствовавшее до тех пор ностальгическое почитание старины (особенно греко-римской культуры) качественно изменяется. Формируется критическое отношение к реликтам прошлого, которые начинают восприниматься именно как источник его познания и поэтому подлежат сохранению. Все заметнее становится различие между современной эпохой и более ранними, появляется понятие «анахронизма». Упомянутые процессы вызывают появление понятия «историзм» как нового подхода к исторической науке (раньше всего – в Германии).

На основании сказанного мы можем утверждать, что историческая концепция в XIX в., называемом также «веком истории», оказала большое влияние на все идейные течения в Европе, в том числе и на охрану памятников. «Историисты», постулирующие уникальность исторических изменений, находились под большим влиянием националистической идеологии и сами оказывали воздействие на исследование и интерпретацию происхождения, развития и особенностей наций. Можно сделать вывод, что **современная охрана памятников является следствием и продолжением национализма и историзма.**

Похожая ситуация сложилась и в археологии. Считается, что на формирование ее как самостоятельной дисциплины определяющее влияние оказало обоснование национализма на политической арене Европы. Некоторые теоретики осмеливаются даже утверждать, что без идеологии национализма археология как наука, исследующая прошлое, могла бы никогда не достичь современного уровня, оставаясь только увлечением или хобби отдельных индивидов. Кроме того, тесная связь национализма и археологии считается общим явлением, характерным для всех стран Европы за последние 200 лет⁵⁶. Аналогичная ситуация сложилась и в современном музееведении⁵⁷.

⁵⁵ Michael Hunter, *The Preconditions of Preservation: A Historical Perspective. Our Past before us* (ed. by D. Lowenthal and M. Binney). London, Temple, 1981. p. 22-32.

⁵⁶ Margarita Diaz-Andreu, Timothy Champion, An Introduction, *Nationalism and Archaeology in Europe* (ed. by M. Diaz-Andreu and T. Champion). London, Westview Press, 1996, p. 1-23.

⁵⁷ О парадигме современного музея подробнее см.: E. Hooper-Greenhill, *Museums and the Shaping of Knowledge*, London, Routledge, 1992, p. 167-190.

Убедительные параллели во внутренней логике развития этих дисциплин сохраняются и позднее.

Комплексно-структурная парадигма, сменившая единичную охрану памятников около 70-х гг. XX в., обращала особое внимание не только на форму объектов наследия, но и на сохранение их функций. В этот процесс наряду с архитекторами-реставраторами включились и проектировщики городов, поскольку цели охраны наследия все больше объединяли потребность в регенерации и реабилитации местностей благодаря надлежащему управлению ими. Упомянутые факторы неизбежно вызвали потребность в согласовании различных интересов (законов и практики, охраны и изменения, публичного и частного, объектов, признанных наследием, и других объектов/мест).

**Эпистемологические и хронологические сходства
в развитии некоторых гуманитарных дисциплин (парадигматическое изменение)**

Исторические эпохи	Историография ⁵⁸	Охрана наследия	Археология ⁵⁹	Музееведение ⁶⁰
От античности до Просвещения Прагматическое использование прошлого для целей настоящего	Прагматизм	Антикваризм Собирание и хранение движимых ценностей (первые попытки реставрации)	Антикваризм (с XVI в.)	Антикваризм Кунсткамеры, собрания объектов искусства, природы
Модернизм а) с 1800 г. Объективность, профессионализм и институционализация дисциплин, формирование и расцвет «великих нарративов»	Историзм Критический анализ источников, приоритет политической и военной истории, великих личностей	Элементная охрана памятников Представляющие национальное государство и иллюстрирующие великие нарративы важнейшие недвижимые и движимые объекты. Формирование юридическо-административных и технологических принципов охраны	Начало научной археологии Классическая археология, египтология и ассириология, археология «скандинавского стиля», палеолитическо-эволюционное направление, культурно-историческое направление	Аналитическая классификация объектов Таксономические музеи (напр., Лувр)
б) конец XIX в. - XX в. Внимание к общественным структурам и процессам	Преодоление историзма Марксизм, французская школа «Анналов», интегральная социальная история, клиометрия в США и т. д.	Комплексная и структурная охрана наследия (с 70-80-х гг. XX в.)	Функционализм, процессуализм	Конец XIX в. Этнографические музеи (скансенy)
Постмодернизм (примерно с 1970 г.) Неолиберализм, глобализация, конsumerизм, «смерть великих нарративов»	Историография постмодернизма Неопрагматизм, неоисторизм, исследования коллективной памяти	Наследие как продукт Коммерциализация ресурсов наследия – индустрия наследия	Пост-Процессуализм	Ориентация на потребности посетителей Культурные центры, экомuзеи, тематические парки. «Бум» образования музеев

⁵⁸ По: Z. Norkus, *Istorika*. Vilnius, Taura, 1996, p. 10.

⁵⁹ По: B. C. Trigger, *A History of Archeological Thought*. Cambridge University Press, 1989, p. 10.

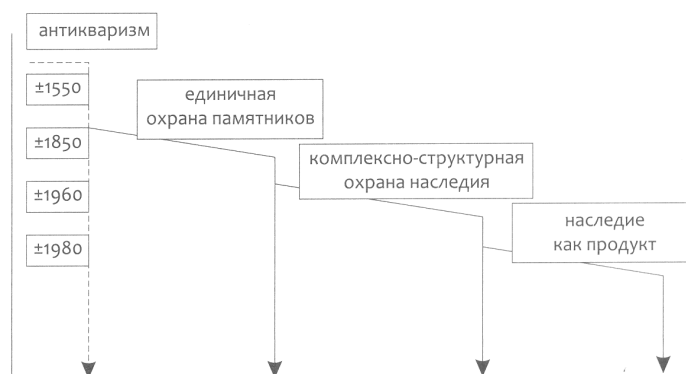
⁶⁰ По: R. Monpetit, *Musées et universités: des fonctions en redéfinition, des missions complémentaires, des collaborations requises, Les musées en mouvement. Nouvelles conceptions, nouveaux publics* (Belgique, Canada) (ed. par S. Jaumin). Bruxelles, Editions de l'ULB, 2000, p. 41-52.

Кроме того, при изменении общественного сознания важным становился уже не сам памятник или артефакт, а отношение социума к нему и производимое им влияние на групповую идентичность различных уровней. Вследствие этого в понятии объекта охраны наследия понемногу происходил переход от «старого» к «не очень старому» (до современных произведений), от «величественного и впечатляющего» к «более мелкому и повседневному», от «монументального» к значительно более широкому определению «памятника», включающему признание целостности природных, культурных и городских ландшафтов.

Сегодня охрана наследия превращается в самостоятельную область научных исследований и интегральную часть процесса планирования. Особенный акцент ставится на экономическом управлении ресурсами: в процессе «упаковки» они превращаются в продукт, используемый в индустрии наследия. Существенными направлениями новой, глобальной, охраны наследия становятся учет, использование, приведение в порядок и администрирование.

Парадигматическая дисциплинарная модель позволяет понять развитие охраны наследия не только диахронически (см. схему), но и синхронно, поскольку многие распространенные в прошлом практики охраны, например антиквариизм, используются до сих пор.

Существенные этапы развития охраны наследия⁶¹

Если на упорядочение в порядок наследия больше обращали внимание во времена господства парадигм единичной и комплексной охраны памятников, то сегодня, когда в этот процесс включились новые социо-экономические факторы и индустрия наследия, актуализируется значение его творческого и эффективного использования. А в зависимости от выбора главного акцента деятельности по охране наследия меняются и задачи исследования и просвещения в этой области.

Голландский теоретик охраны наследия Г. Дж. Эшворт предложил несколько иную парадигматическую модель. Он попытался выделить в современной культуре фундаментальные «философские основы» охраны ценностей, часто пересекающиеся в управлении строительным и урбанистическим наследием прошлого, что вызывает немало недоразумений и конфликтов у профессионалов и других заинтересованных групп.

По его мнению, понятия «preservation» (сохранение) и «heritage» (наследие) часто ошибочно употребляются как синонимы. Однако, как он считает, это совершенно разные подходы, отнюдь не тождественно определяющие такие фундаментальные для охраны наследия параметры, как *цели* охраны, охраняемые культурные *ресурсы*, *критерии* их отбора, *способы и методы интерпретации* продуктов наследия, сама *избранная стратегия* охраны⁶².

⁶¹ C. J. Ashworth, *From History to Heritage – from Heritage to Identity...*, p. 15.

⁶² G.J. Ashworth, *Conservation as Preservation or as Heritage...*, p. 93.

Preservation – это исторически более ранний и доминировавший в последнем столетии способ охраны. Иначе говоря, это уже упоминавшаяся выше *единично-элитная охрана памятников*, распространившаяся в развитых странах Запада начиная со второй половины XIX в. и в 70-80-х гг. XX в. расширившаяся до *комплексно-структурного понятия* (англ. conservation⁶³). Благодаря этому были созданы жесткие и ясные правовые положения охраны и системы субсидий публичного финансирования, осуществляемые ответственными государственными институтами как на национальном, так и на международном уровне и поддерживаемые влиятельными частными организациями и группами давления⁶⁴. Эту парадигму можно связать с понятием **культурной политики**, поскольку охрана культурных ценностей часто бывала основана на культурных (воспитание, образование, самообразование) и политических (создание и поддержка национальной идентичности, легитимации политической власти) интересах.

Используемое Г.Дж. Эшвортом понятие **heritage** должно интерпретироваться в специфическом значении с целью отделить его от обычного словоупотребления. В этом случае имеется в виду постмодернистское понятие наследия как управления культурными ресурсами, в котором господствуют скорее принципы и методы **культурной экономики** (недаром же Г. Дж. Эшворт – экономист по образованию). Однако вопросы культурной политики здесь тоже остаются актуальными, например стремление ЕС создать транснациональную европейскую идентичность членом Сообщества, основанную на соответственно отобранных и интерпретированных ресурсах культурного наследия.

Существенные различия между *preservation* и *heritage*⁶⁵

	PRESERVATION	HERITAGE
1. Цели	Тотальная охрана материальных ценностей прошлого, без учета издержек	Различные продукты для различных секторов рынка. Принцип рентабельности и «multi-sold». Ценности отбираются целенаправленно, рационально и прагматически, учитывая возможности сохранения и использования
2. Ресурсы	Считаются растрчиваемыми, невозстановимыми и невозвращаемыми	Считаются неисчерпаемыми; сохранность зависит от случайностей истории и изменений социополитической конъюнктуры и эстетического вкуса
3. Критерии отбора	Внутренние – старина, красота, историческое значение, национальная ценность. Отбор чаще всего производят эксперты	Внешние – спрос, доступность цены, эффективность, привлекательность. Отбор осуществляет сам рынок предлагаемых продуктов. Адресат – посетитель – потребитель
4. Аутентичность оценивается по...	материи, форме, выполнению, окружению, функциям и прочим ценностям	получаемому посетителем опыту
5. Интерпретация продукта	Универсальная, однозначная и стабильная (не изменяется и чаще всего не учитывает специфику посетителей). Подчеркивается «интенция художника» (посылаемое прошлым известие). Недостатки: возможны ложь, сознательные и несознательные ошибки или вульгаризация, появляющиеся из-за стремления к индоктринации	Полисемичная (многозначная) и нестабильная (изменчивая). Сама интерпретация и является продуктом. Возможность переинтерпретации. Недостатки: возможность создания какофонии сообщений прошлого, потакание прихотям посетителей
6. Стратегии	Постоянный конфликт между охраной и развитием. Противопоставление стабильности и изменчивости. Сохранение формы ценностей за счет функций	Планирование охраны наследия - неотъемлемая часть урбанистического планирования. Стремление к согласованию различных интересов

⁶³ Не в североамериканском значении слова *conservation*, где это понятие является синонимом *preservation*.

⁶⁴ G.J. Ashworth, *From History...*, p. 15.

⁶⁵ См. G. J. Ashworth, *Conservation as Preservation or as Heritage...*, p. 92-102.

Какой из этих взглядов поддержать? Какую позицию избрать? Могут ли быть иные взгляды? Какие теоретические принципы могли бы надлежащим образом обосновать охрану исторических местностей?

Кажется, что третий путь не следует долго искать, он может появиться при объединении оптимальных принципов двух вышеизложенных подходов. Такой синтез, кстати, предлагает и сам Г. Дж. Эшворт. Он замечает, что даже презервационистский подход сегодня все же проявляется в условиях свободного рынка, которые могут корректировать первоначальные цели охраны. Парадокс состоит в том, что для охраны, которая в первом случае находится за рамками коммерческой деятельности или ограничивается, нужны экономически сильные опекуны ценностей, которые не жалели бы ни своего времени, ни энергии, ни инвестиций, на что в полной мере не способны никакие государственные институты.

В свою очередь философия, процедуры и терминология коммерческого управления (*market planning*) поступают из частного сектора, который в различных масштабах может активно сотрудничать с общественным сектором, защищающим коллективные интересы. В данном случае употребляется формула: «продукт наследия» + «потребитель» в связи с рынком. Различия «приватности» и «публичности» могут оказаться не очень яркими, тем более конфронтационными, они как раз могут объединяться для сотрудничества, поскольку самым важным здесь становится «продать» продукт на том же рынке, часто имея аналогичные социально-просветительные и коммерческо-развлекательные интересы⁶⁶.

Таким образом, охрана культурного наследия ныне становится комплексной практической деятельностью, которая, опираясь на законодательные положения, местную политику и профессиональную практику, осуществляется на локальном уровне как составная часть местного управления, направленного на удовлетворение коллективных, чаще всего публичных, потребностей⁶⁷. Однако, как и во всяком планировании, неизбежен выбор, поэтому за пределами оказываются иные альтернативные варианты потенциально охраняемых объектов и методов охраны.

Сегодня интерес к культурному наследию чаще всего проявляют следующие социальные группы.

1. Владельцы, которые приобрели культурные ценности разными способами – путем наследства, в виде покупки и пр. Мотив приобретения и сохранения этих объектов тоже может варьировать – ради материальной выгоды, функционально-утилитарных удобств, социального престижа, интеллектуального интереса, сенсорного удовольствия. Как уже не раз упоминалось, до конца XVIII в. наследие символизировало власть и авторитет монархии, аристократии, Церкви, и только после Великой французской революции это понятие стало расширяться, демократизироваться. В данном случае до сих пор не разрешен конфликт (потенциальный или явный) частных и общественных интересов по отношению к культурному наследию.

2. Общины. Используя конкретные артефакты и особенности местностей, общины осуществляют самопознание и воспринимают свои исторические корни. Территориальные общины вообще склонны защищать более традиции и стабильность, нежели перемены. У них мало общего с государственной системой охраны культурного наследия или структурами власти. Они склонны отдавать предпочтение юбилеям и празднованиям исторических личностей и событий, а не эстетической и материальной ценности объектов, не раритетам, предметам старины, а своим собственным воспоминаниям, связанным с конкретными объектами или местностями. В богатых странах, располагающих активным гражданским обществом, роль общин в охране культурного наследия довольно значима. Они иногда выкупают имеющие сентиментальную ценность вещи или здания (церкви, пабы), чтобы была сохранена их традиционная функция. Поэтому менеджеры культурного наследия учитывают эти особенности психологии местных жителей.

⁶⁶ G. J. Ashworth, *Conservation as Preservation or as Heritage...*, p. 100.

⁶⁷ Ibid., p. 92.

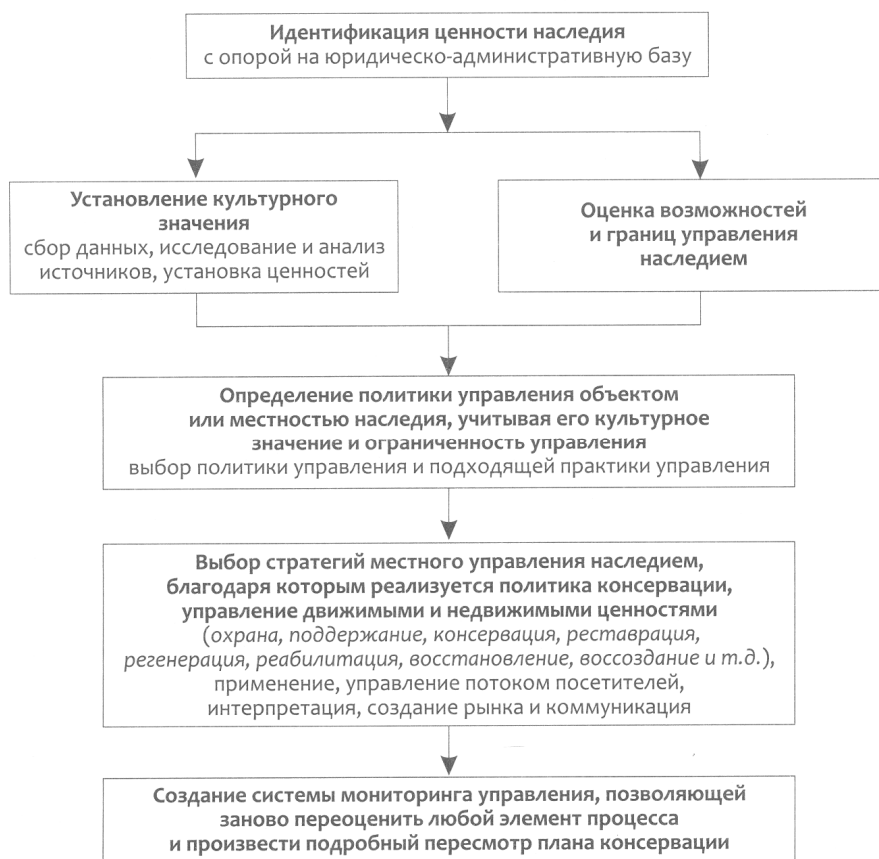
3. Государственные структуры. Политическая власть разных уровней пытается заручиться признанием и уважением граждан и формировать их идентичность. Охрана культурного наследия подготовленными специалистами и бюрократическим аппаратом чиновников (ответственных институтов) является одной из важных сфер, при помощи которой государство легитимирует свою власть и авторитет.

4. Посетители. Известно много разновидностей туристов и иных посетителей исторических мест, как и многообразие их интересов к культурному наследию: они могут быть особенными (паломнические поездки) или смешанными (рекреация и получение знаний).

5. Академические структуры. Специалисты часто считают себя единственными знатоками культурных ценностей и думают, что только они умеют их оценивать объективно правильно. На самом деле не всегда так, потому что они очень тесно связаны с этими вещами и в оценке их часто не беспристрастны. Специалисты ответственны за обнаружение новых объектов наследия и их оценку, это главная цель их исследований. Возрастающая масса культурного наследия содействует специализации и кристаллизации множества академических дисциплин, тем самым требуя укрепления их взаимосвязей.

6. Коммерческие структуры – важный социальный фактор, действующий на наследие положительно или отрицательно, непосредственно через индустрию туризма или косвенно через инвестиции в конкретную местность, изменение ландшафта, коммуникации.

Структура процесса охраны наследия⁶⁸

⁶⁸ Схема составлена на основании статьи: Michael Person and Sharon Sullivan, Looking after the Past. An introduction to the management of heritage places, *Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies* (ed. by L. Smith). London, Routledge, 2007, vol. 1, p. 195, 201.

Под воздействием этих тенденций в западных обществах отмечаются проявления упадка традиционной функции «памятника». Исторические и мемориальные памятники хотя еще и пополняют списки охраны, но уже не имеют такого влияния на историческую память, как раньше. Важным становится не сам памятник, а отношение к нему, его влияние на групповую идентичность. По словам историка П. Нора, «уже произошел переход от материального, исторического, национального типа наследия к нематериальному, мемориальному, социальному типу. Наследие больше не является инвентарем тотемных шедевров, свидетельствующих о национальном величии, но становится коллективным достоянием конкретной группы, предназначенным для обеспечения ее идентичности»⁶⁹.

Таким образом, если раньше с целью легитимации, формирования и консолидации национальной идентичности за охрану наследия чаще всего брались национальные правительства, охраняя ценные с точки зрения искусства и истории памятники, учреждая музеи и национальные парки, подготавливая и обеспечивая содержание специалистов различных сфер для их исследования и охраны, то во второй половине XX в. ситуация качественно изменилась. К этому процессу подключились региональные, городские и местные общины, более мелкие социальные группы и коммерческие структуры, начавшие в своих интересах использовать ранее игнорируемые или «скрытые» пласты наследия. Эти новые тенденции заставляют более внимательно анализировать особенности охраны нематериальных форм культуры и их крупных производных: урбанизированных территорий и культурных ландшафтов.

⁶⁹ Emmanuel de Roux, On ne peut pas faire de la France le musée de la France (entretien avec Pierre Nora), *Le Monde*, 1994, 11, 29, p. 15.